

Глава 11. Автограф

Си Нянь редко позволял эмоциям брать над собой верх, но выходки Лу Синчжэ раз за разом вызывали у него глухое раздражение. Пальцы Си Няня, сжимавшие подбородок папарацци, сдавили кожу сильнее, а в голосе проступил ледяной холод:

— Спрашиваю в последний раз: зачем ты за мной следил?

От сильной хватки подбородок заныл, но Лу Синчжэ даже глазом не моргнул. Он прямо встретил взгляд собеседника и, кивнув на камеру в своих руках, насмешливо изогнул губы:

— Я всего лишь скромный репортер. Если не боишься, что завтра таблоиды всю затрубят о твоих наклонностях к насилию — мне-то что, я не против.

Папарацци по самой своей природе были проклятием знаменитостей. Слухи и сплетни действительно могли растоптать чью угодно жизнь.

Си Нянь ни на секунду не усомнился в правдивости этой угрозы. На мгновение его вновь захлестнуло то самое чувство из прошлой жизни — ощущение, будто тебя со всех сторон сковывают по рукам и ногам, и лицо его помрачнело. Лу Синчжэ, заметив, что актер не оценил шутки, перестал паясничать. Понаблюдав за плотно сжатыми, лишенными красок губами мужчины, он вдруг сменил тон:

— Да ладно тебе, шучу я...

В его пальцах, словно по волшебству, появилась черная ручка. Ловко прокрутив её между фалангами, он легонько постучал колпачком по дверце машины и с лукавой улыбкой добавил:

— На самом деле я твой фанат. Гнался за тобой только ради автографа.

— С чего мне тебе верить? — Си Нянь прищурился.

Тем не менее, хватка его ослабла, и рука соскользнула с лица папарацци.

Лу Синчжэ небрежно похлопал себя по раненой ноге. Из-за того, что он слишком долго стоял, на бинтах вокруг колена сквозь желтизну лекарства снова проступило бурое пятно запекшейся крови.

— В конце концов, ты спас мне жизнь, — протянул он. — У меня нет причин тебе вредить, разве не так?

Встретившись с насмешливым взглядом собеседника, Си Нянь окончательно убедился: его личность раскрыта. Впрочем, особого удивления это не вызвало — такие вещи невозможно скрывать вечно.

— Как ты догадался?

— Если бы я не смог вычислить даже этого, мне стоило бы сменить профессию еще в детстве, — парировал Лу Синчжэ.

Видя, что Си Нянь не двигается с места, он протянул ему ручку и, понизив голос, с усмешкой спросил:

— Так как насчет автографа?

— ...

Мужчина молча разглядывал его несколько секунд, прежде чем забрать ручку. Сняв колпачок, он обнаружил, что под курткой у Лу Синчжэ надета черная футболка — на ней ничего не будет видно. Тот опустил взгляд и, ткнув пальцем в сине-белую верхнюю одежду на своих плечах, беспечно бросил:

— Тогда... распишись прямо здесь.

— Это моя куртка, — холодно напомнил Си Нянь.

Лу Синчжэ словно только что об этом вспомнил:

— Ах да?

Си Нянь с щелчком надел колпачок обратно, не желая больше тратить время на этот пустой разговор:

— Верни одежду.

Лу Синчжэ никогда не упускал возможности поиздеваться. Он широко раскинул руки и, глядя на Си Няня с нескрываемым вызовом, многозначительно пропел:

— Ладно. Тогда раздевай меня сам.

Си Нянь замер. Он никак не мог взять в толк, как один человек может быть настолько невыносимо наглым.

— Не хочешь? — Лу Синчжэ лениво привалился к дверце. — Ну, тогда я поехал?

Он уже собрался сесть в салон, но не успел коснуться сиденья: Си Нянь рывком вытащил его обратно. Дверца захлопнулась с глухим стуком, и в следующее мгновение Лу Синчжэ оказался прижат к ней лицом, а его руки были жестко заломлены за спину.

Его щека вплотную коснулась стекла, на котором еще сохранились холодные следы дождя. Молодой человек с трудом повернул голову. Даже в таком положении он ухитрился улыбаться:

— Неужели ты впал в ярость от смущения?

Ответа не последовало.

Какая-то куртка Си Няня не волновала, но он просто не мог выносить этот торжествующий вид папарацци. Крепкое тело актера внезапно навалилось сзади, обдавая жаром, от которого Лу Синчжэ невольно вздрогнул. Он хотел было что-то сказать, но чужая рука уже скользнула вдоль его талии к груди и ухватилась за бегунок молнии.

Резкий звук — и куртка распахнулась, сползая с плеч.

Лу Синчжэ попытался перехватить его руку, продолжая усмехаться:

— Так тебе всё-таки нужна была одежда? Сказал бы сразу, я ведь не собирался её присваивать.

Куртка неряшливо повисла на локтях. Холодный ветер мгновенно забрался под футболку, выдувая остатки тепла. Кожа папарацци, бледная, словно полированный нефрит, покрылась мурашками, но его губы всё еще оставались вызывающе алыми.

Си Нянь вынужден был признать: при всех своих бесчисленных недостатках, в постели этот человек был чертовски хорош.

Возможно, из-за того, что сегодня произошло слишком много событий, память постоянно возвращала Си Няня в прошлое. Он перестал сдерживаться, и его голос зазвучал глубоко и низко, с едва уловимой хрипотцой:

— Не нужно. Я возьму сам.

В ушах у Лу Синчжэ закололо от этого бархатного тембра. Он не отпускал молнию, вкладывая в свои слова двойной смысл:

— Неужели? А мне кажется, ты просто ищешь повод потрогать меня под предлогом этой

шмотки.

Не успел он договорить, как край его футболки задрали вверх, обнажая узкую талию. Ледяной воздух обжег кожу, заставив его мелко задрожать. Поняв, что именно задумал Си Нянь, папарацци в изумлении обернулись:

— Эй... ты что творишь?..

Ладонь Си Няня плотно прижалась к чувствительной коже в области поясницы. Хватка была далеко не нежной — скорее грубой и властной. Он с удовлетворением отметил, как наглая ухмылка на лице Лу Синчжэ наконец-то сменилась растерянностью.

— Лу Синчжэ, — напомнил ему актер, — в тебе нет ничего такого, на что я бы позарился.

Такие люди, как он, никогда не проигрывают.

В прошлой жизни, когда Си Нянь наносил ему удар, тот неизменно вцеплялся в него мертвой хваткой гиены, стремясь вырвать кусок плоти в ответ. Это была не просто взаимная вражда — это было желание сгореть дотла, лишь бы уничтожить противника.

Лу Синчжэ не понял истинного смысла его слов и лишь хмыкнул:

— Кто знает, вдруг тебе как раз нравятся такие, как я, и ты просто не хочешь признаваться.

Си Нянь сжимал в пальцах ту самую черную ручку. Одной рукой он удерживал оппонента, а другой начал писать прямо на его пояснице. Кончик пера, оставляя за собой дорожку ледяной влаги, медленно вывел два иероглифа.

Си. Нянь.

Си... Нянь...

Поставив последнюю точку, Си Нянь отпустил Лу Синчжэ и отступил на шаг. Лишившись опоры, папарацци в растрепанной одежде едва не повалился на землю. Левая сторона его лица всё еще горела румянцем от холодного стекла.

Ему потребовалась целая секунда, чтобы осознать произошедшее. Он завел руку за спину, и кончики его пальцев коснулись еще не просохших чернил. Его уши мгновенно вспыхнули пунцовым:

— Эй... ты... ты...

Он хотел спросить: «Как ты мог написать свое имя прямо на мне?», но язык словно одеревенел, и он не смог выдать ни одного связного слова.

Си Нянь, довольный его замешательством, окончательно потерял интерес и к куртке, и к разговору. Он молча окинул того взглядом и повторил ту же фразу, что бросил тогда в больнице:

— Фигура у тебя неплохая.

Лу Синчжэ зажмурился. Он и представить не мог, что однажды сам окажется в роли жертвы домогательств. Лицо его пылало, словно в лихорадке. Опершись о машину, он поднялся, рывком распахнул дверцу и нырнул на водительское сиденье.

Си Нянь посмотрел на него через полуоткрытое окно и, вскинув бровь, спросил:

— А как же моя куртка?

Лу Синчжэ вцепился в руль, постепенно приходя в себя. Он покосился на Си Няня; кончики его ушей всё еще были алыми, а упавшая на лоб челка скрывала выражение глаз.

— Раньше надо было снимать, когда предлагал. Теперь поздно. Верну, когда будет настроение.

В месте, где на коже красовалось имя актера, всё еще сохранялось странное, щекочущее ощущение.

— Как хочешь, — безразлично бросил Си Нянь.

Он вернулся в свой автомобиль, но не уехал сразу. Дождавшись, пока машина Лу Синчжэ скроется в противоположном направлении, Си Нянь наконец завел двигатель и направился домой.

Сегодня была суббота. В восемь вечера по спортивному каналу начиналась трансляция первого тура «Звёздных игр». Учитывая, что в последние дни новость о проигрыше Су Гэ наделала много шума — кто-то винил его в некомпетентности, кто-то верил в версию с травмой — толпы любителей сплетен прилипли к экранам телевизоров, надеясь докопаться до истины.

Уровень мастерства артистов не шел ни в какое сравнение с профессиональными спортсменами. Если не считать результатов лидеров, показатели остальных были просто плачевными. Все были одинаково плохи, так что смеяться друг над другом не имело смысла. А учитывая, что Си Нянь в квалификации вообще занял последнее место, многие еще сильнее

уверились в том, что Су Гэ подкосила именно травма.

[Много слов не надо. Я пришел только посмотреть, как Су-тысяча-ножей умудрился продуть. Посмотрю и уйду.]

«Су-тысяча-ножей» — это было старое обидное прозвище Су Гэ, намекающее на его многочисленные пластические операции. Фанаткам Гэцзы это прозвище было как красная тряпка для быка, и они тут же высыпали в чат целой толпой.

[Кого ты там «тысячей» назвал? Это ты у нас по жизни битый. Если завидуешь красоте Су Гэ — так и скажи, нечего юлить!]

[У Су Гэ природная, неопишуемая красота, ясно?! Просто в детстве он упал и ему накладывали швы на щеку. Хватит хейтерам выдумывать небылицы на пустом месте!]

[Ой, ну конечно, фанатки всегда найдут оправдание. Кажется, это вы перед началом соревнований вопили, что Су Гэ точно возьмет золото? Не жмет физиономия-то от вранья?]

[От случайностей никто не застрахован. Но я скажу так: если бы Су Гэ не поранился, он бы взял чемпионство с вероятностью в восемьдесят процентов!]

Поклонники Мэн Цяньлиня и Юй Фаня после таких слов буквально взорвались от ярости. Вы что, наших кумиров за пустое место держите?! Су Гэ опережал второе место всего на два очка — какие еще «восемьдесят процентов»?

Как и следовало ожидать, фанаты трех лагерей схлестнулись в ожесточенной битве. Количество комментариев росло с пугающей скоростью, в чате творилось настоящее безумие, и именно в этот момент там появилось одно сообщение, поначалу незаметное в общем потоке.

[Я сегодня был на месте проведения второго тура. Лично я считаю, что больше всего шансов на победу у Си Няня под номером девять. Двенадцать выстрелов подряд — и все в «десятку». Вот это я называю настоящим мастерством.]

Пользователь, оставивший этот комментарий, имел «золотую галочку» и подпись: «Личный тренер по стрельбе». Он высказался беспристрастно, никого не оскорбляя, но фанаты Су Гэ мгновенно приняли это на свой счет.

[Сколько тебе занесли за этот вброс? Давай вместе заработаем, пиши в личку.]

[Ага, последнее место в рейтинге — «настоящее мастерство», не иначе.]

[Двенадцать «десяток» подряд??? Серьезно??? Ну и бред, хоть бы ввали правдоподобнее!]

В последние дни насмешки в адрес Си Няня стали нормой, но сегодня в ответ на хейт неожиданно поднялась небольшая волна возражений.

[Насчет мастерства — сами скоро увидите по телевизору. А фанаткам из «одной известной семьи» советую попридержаться языки, чтобы потом не было так больно получать по лицу.]

[У Си Няня фанатов немного, но это не значит, что любая шавка может на него лаять. Кто видел его в деле — тот знает: он и красавец, и человек хороший. А кто его ругает — тот просто слеп.]

[Шоу начинается! Няньгао, собираемся здесь, будем вместе любоваться неземной красотой нашего Си-гэ!!]

Лу Синчжэ вышел из ванной, кутаясь в банный халат. С его волос всё еще капала вода. Он небрежно зачесал их назад и собрался усесться за компьютерный стол, но тут же вскочил, словно его ударили током.

«Твою мать!»

Лу Синчжэ, шипя от боли, принялся растирать поясницу.

«Вот же сволочь... Нашел место для автографа! Я чуть кожу себе до дыр не стер, пока пытался отмыть эти чернила»

Настенные часы мерно тикали, и стрелка замерла ровно на восьми. Он бросил на них мимолетный взгляд, включил компьютер и зашел на сайт спортивного канала. Трансляция «Звёздных игр» как раз началась.

<http://bllate.org/book/15807/1423498>